

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

К Е Н
ФОЛЛЕТТ

— ТРОЕ —

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-311.6
ББК 84 (4Вел)-44
Ф75

Серия «Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.»

Ken Follett

TRIPLE

Originally published in English by Pan Macmillan.

Перевод с английского Ю. Сергеевой

Компьютерный дизайн Я. Половцовой

Печатается с разрешения автора.

Фоллетт, Кен.

Ф75 Трое: [роман] / Кен Фоллетт; [пер. с англ. Ю. Сергеевой]. — Москва: Издательство АСТ, 2016. — 352 с. — (Ф.О.Л.Л.Е.Т.Т.).

ISBN 978-5-17-082977-4

1968 год. Разгар арабо-израильского конфликта.

Опытный агент «Моссада» Натаниэль Дикштейн получает задание похитить уран в объеме, достаточном для изготовления атомной бомбы, и составляет элегантный, до мелочей продуманный план похищения и подмены торгового судна «Копарелли», перевозящего крупную партию урановой руды.

Однако операции угрожает опасность: старый знакомый Натаниэля, египетский разведчик Ясиф Хасан, совершенно случайно узнал его...

И тогда начинается поединок асов международного шпионажа, одинаково блестяще владеющих своим нелегким ремеслом, дуэль, исход которой совершенно непредсказуем, а от результата зависит очень многое...

УДК 821.111-311.6
ББК 84(4Вел)-44

© Ken Follett, 1979

 Школа перевода В. Баканова, 2016

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-082977-4

Следует отметить, что единственная трудность при проектировании атомной бомбы состоит в подготовке расщепляющегося материала достаточной степени чистоты; сам процесс изготовления относительно прост...

Энциклопедия «Американа»

Алу Цукерману

ПРОЛОГ

Однажды они встретились все вместе.

Это произошло много лет назад, еще до описываемых событий. Если быть точным, в первое воскресенье ноября 1947 года: именно тогда все собралось в одном доме и даже ненадолго оказались в одной комнате. Кто-то сразу же забыл имена и лица; у кого-то выветрился из памяти целый день. Двадцать один год спустя, когда это вдруг стало важным, им пришлось притворяться и узнаваемо кивать, глядя на выцветшие снимки: «Как же, помню-помню...»

В той случайной встрече нет ничего особенного. Судьба уготовила им, молодым и талантливым, роль сильных мира сего, влияющих — каждый по-своему — на будущее страны. Оксфордский университет — типичное место, где можно наткнуться на подобных персонажей. Более того, тех, кто изначально не был замешан в этой истории, затянуло в водоворот событий лишь потому, что они познакомились здесь с остальными.

И все же тот день никак нельзя назвать судьбоносным: они собрались на очередной коктейльной вечеринке, которые тогда устраивали в избытке (а вот коктейлей, по мнению студентов, как раз недоставало). Словом, ничем не примечательный день. Ну, почти...

Ал Кортоне постучал в дверь и замер.

За последние три года подозрение, что его друга нет в живых, переросло в уверенность. Дошли слухи, будто Нат Дикштейн попал в плен. К исходу войны распространились жуткие истории

о евреях, угодивших в нацистские лагеря, — страшная правда вышла наружу.

Призрак по ту сторону двери скрипнул стулом и зашаркал через всю комнату.

Внезапно Кортоне занервничал. А вдруг Дикштейн стал калеккой, обезображенным уродом? Или вовсе сошел с ума? Кортоне терялся, если приходилось общаться с инвалидами или душевнобольными. Они с Дикштейном тесно сблизились в те дни 1943-го, но кто знает, что стало с ним сейчас?

Дверь открылась, и Кортоне произнес:

— Здорово, Нат.

Дикштейн уставился на него и выпалил в своей простецкой манере:

— Вот те раз!

Кортоне с облегчением улыбнулся в ответ. Они обменялись рукопожатием, похлопали друг друга по спине и от души отпустили пару крепких солдатских словечек, после чего вошли внутрь.

Дикштейн обитал в старом, обветшавшем доме, расположенном в самом захудалом районе города. В комнате с высоким потолком мебели было немного: узкая, по-армейски тщательно заправленная кровать, массивный шкаф темного дерева с таким же комодом и столик у окна, заваленный книгами. Кортоне показалось, что здесь как-то пусто: не хватало мелочей, придающих жилью уют. Если бы здесь жил он, то развесил бы семейные фотографии, расставил бы сувениры с Ниагарского водопада и Майами-Бич или футбольный кубок за победу в университетском матче.

— Как же ты меня нашел? — спросил Дикштейн.

— Ну, доложу я тебе, это было непросто! — Кортоне снял форменную куртку и бросил на кровать. — Весь день вчера угробил! — Он покосился на единственное кресло: подлокотники неестественно изогнулись, из полинялой обшивки сиденья торчала пружина, а ножка покоилась на томе платоновского «Теэтета». — Живой человек тут сможет усидеть?

— Разве что чином не выше сержанта. Но эти...

— ...за людей не считаются.

Они засмеялись — то была старая армейская шутка. Дикштейн вытащил из-под стола деревянный стул со спинкой и оседлал его. Оглядев друга с головы до ног, он вынес вердикт:

— А ты раздобыл.

Кортоне похлопал себя по намечающемуся брюшку.

— Да, мы во Франкфурте не бедствуем. Зря ты демобилизовался — такие возможности упустил! — Он наклонился и понизил голос, словно хотел сообщить что-то по секрету. — Я нажил целое состояние! Драгоценности, фарфор, антиквариат — и все за мыло и сигареты: немцы же голодают. И главное — за конфеты девчонки готовы на все!

Кортоне выпрямился, ожидая веселой реакции, но приятель смотрел на него молча, с непроницаемым лицом. Ему стало неловко, и он сменил тему:

— Зато тебя толстяком не назовешь.

Поначалу Кортоне обрадовался тому, что Дикштейн жив-здоров и даже ухмыляется по-прежнему. Теперь же, присмотревшись внимательнее, он заметил, как исхудал его друг. Нат Дикштейн всегда был невысокого роста и худощавого телосложения, но теперь он стал похож на скелет. Из-под брючины виднелась тонкая лодыжка, похожая на спичку; мертвенно-бледная кожа и огромные карие глаза за пластиковой оправой очков лишь усиливали впечатление. Четыре года назад это был загорелый, мускулистый парень, жесткий, как подошва армейских ботинок. Частенько вспоминая о своем английском приятеле, Кортоне отзывался о нем так: «Самый крутой сукин сын из тех, кто спас мне жизнь, — и я не вешаю тебе лапшу на уши!»

— Толстяком? Вряд ли, — ответил Дикштейн. — Наша страна до сих пор на голодном пайке, дружище. Ничего, перебиваемся.

— Ну, ты-то знавал всякое.

Дикштейн улыбнулся.

— И знавал, и едал...

— Говорят, ты попал в плен?

— В Ла-Молине.

— Как же им удалось тебя зацапать?

— Легко. — Дикштейн пожал плечами. — Меня ранило в ногу. Пуля перебила кость, и я вырубился; очнулся уже в немецком грузовике.

Кортоне покосился на его ноги.

— Зажило нормально?

— Мне повезло — в поезде оказался врач.

Кортоне понимающе кивнул.

— А потом — лагерь, да? — Наверное, не стоило спрашивать, но ему хотелось знать.

Дикштейн отвернулся.

— Все было нормально, пока они не узнали, что я еврей. Может, чаю? Виски мне не по карману.

— Нет, не надо. — Кортоне пожалел, что не сдержал язык за зубами. — Да я и не пью больше по утрам.

— Они решили выяснить, сколько раз можно сломать ногу в одном и том же месте.

— Господи...

— Это еще цветочки, — произнес Дикштейн бесцветным голосом и снова отвернулся.

— Скоты! — воскликнул Кортоне. По правде говоря, он не знал, что сказать. На лице Дикштейна застыло странное, незнакомое выражение, похожее... на страх. Но почему? В конце концов, все уже позади.

— Зато мы победили, черт возьми! — Он ткнул Дикштейна кулаком в плечо. Тот ухмыльнулся.

— Это да. Так каким ветром тебя занесло в Англию? И как ты меня нашел?

— По пути в Буффало мне удалось сделать остановку в Лондоне. Я заглянул в Военное министерство...¹ — Кортоне запнулся: он отправился туда, чтобы выяснить, где и как погиб Дикштейн. — Они дали мне адрес в Степни. Когда я туда добрался, оказалось, что от целой улицы остался один дом. Там, под слоем пыли, я откопал того старикана.

— Томми Костера.

— Ага. Ну вот, после двадцати чашек слабого чая и пересказа своей биографии он отправил меня по другому адресу, за углом. Там я познакомился с твоей мамой, выпил еще чая и вы-

---

¹ Военное министерство было образовано в Великобритании в 1857-м; в 1964 году вошло в состав Министерства обороны. (Здесь и далее — примечания переводчика.)

слушал еще одну биографию. Когда я наконец выяснил твой адрес, ехать было уже поздно, так что пришлось ждать до утра. Но у меня всего несколько часов — мой корабль отплывает завтра.

— Демобилизуешься?

— Через три недели, два дня и девяносто четыре минуты.

— И что собираешься делать дома?

— Продолжу семейный бизнес. За последние пару лет выяснилось, что я — прирожденный делец.

— А что за бизнес? Ты никогда не рассказывал.

— Грузоперевозки, — коротко ответил Кортоне. — А ты-то как сюда попал? И как тебе вообще пришло в голову поступить в Оксфорд? Что изучаешь?

— Иврит.

— Шутишь!

— Я немного умел писать на иврите, еще до школы, разве я тебе не говорил? Мой дедушка был настоящим грамотеем. Он жил в вонючей каморке над булочной на Майл-Энд-роуд. Я приходил к нему каждые выходные, с тех пор как себя помню; но я не жаловался — наоборот, было здорово. Да и потом, что еще можно изучать?

Кортоне пожал плечами.

— Ну, не знаю... Атомную физику или экономику, например. Зачем вообще учиться?

— Чтобы стать умным, счастливым и богатым.

Кортоне покачал головой.

— Ты не меняешься — все такой же чудик. А девчонки тут есть?

— Очень мало. К тому же я занят.

Кортоне заметил, что Дикштейн покраснел.

— Враки! Да ты влюбился, чучело! Кто она?

— Ну, если честно... — Дикштейн помолчал. — Шансов у меня все равно нет. Профессорская жена экзотична, интеллектуальна и безумно хороша собой.

Кортоне скептически поджал губы.

— М-да, звучит безнадежно.

— Я знаю, но все же... Да ты сейчас сам увидишь.

— Я? Где?

— Профессор Эшфорд устраивает коктейльную вечеринку, и я приглашен. Как раз собирался выходить, когда ты заявился, — объяснил Дикштейн, надевая куртку.

— Коктейльная вечеринка в Оксфорде, — протянул Кортоне. — Будет что порассказать дома, в Буффало!

Утро выдалось солнечным, но холодным. Бледные лучи омывали желтоватую каменную кладку старых зданий. Приятели шли в уютном молчании, засунув руки в карманы, чуть сторбившись от напора ледяного ноябрьского ветра, завывающего в переулках. Кортоне бормотал себе под нос: «Дремлющие шпилы¹, мать твою...»

На улицах было почти пустынно. Заметив на противоположной стороне верзилу в шарфе с эмблемой колледжа, Дикштейн указал на него.

— Смотри, вон русский идет. Эй, Ростов!

Тот поднял голову, помахал им и перешел через дорогу. Он оказался длинным, нескладным, в костюме не по росту. Кортоне уже начало казаться, что в этой стране все тощие.

— Ростов учится со мной в Бейллиоле². Познакомьтесь: Давид Ростов — Алан Кортоне. Мы с Алом вместе воевали в Италии. Идешь к Эшфорду?

Русский энергично кивнул.

— Как не выпить на дармовщинку!

— Вы тоже изучаете иврит? — спросил Кортоне.

— Нет, я изучаю буржуазную экономику, — ответил Ростов.

Дикштейн расхохотался. Кортоне не понял юмора.

— Ростов из Смоленска, — объяснил Дикштейн. — Он у нас член КПСС — Коммунистической партии Советского Союза.

Кортоне все еще не улавливал сути.

— А я думал, из СССР никого не выпускают.

Ростов пустился в долгие, запутанные объяснения про отца, служившего дипломатом в Японии, когда началась война. Выражение его лица было серьезным, но временами в уголках губ пря-

---

¹ «Город дремлющих шпилей» — прозвище Оксфорда, заимствованное из поэмы Мэтью Арнольда «Тирс».

² Бейллиол — один из наиболее известных колледжей Оксфордского университета. Основан в 1263 году; назван в честь основателя, Джона де Бейллиола.

талась хитровая усмешка. Несмотря на весьма средний английский, он умудрялся разговаривать в снисходительной манере. Кортоне отключился и стал думать о том, как бывает в жизни: полюбишь человека, словно родного брата, сражаешься с ним бок о бок — и вдруг он пропадает и принимается учить иврит, и ты понимаешь, что на самом деле никогда его толком и не знал.

— Ну, ты решил насчет Палестины? — спросил Ростов у Дикштейна.

— А что с Палестиной? — встрял Кортоне.

Дикштейн нахмурился.

— Пока не знаю.

— Ты должен поехать! — убеждал Ростов. — Только создав свою национальную территорию, евреи помогут разбить останки Британской империи на Ближнем Востоке¹.

— Такова линия партии? — поинтересовался Дикштейн, слегка улыбаясь.

— Да, — серьезно ответил Ростов. — Ты же социалист...

— В некотором роде.

— ...а новое государство должно быть социалистическим!

Кортоне не верил своим ушам.

— Да ведь там же бойня! Господи, Нат, ты только вырвался от нацистов!

— Я еще не решил. — Дикштейн раздраженно тряхнул головой. — Пока не знаю, что буду делать. — Похоже, ему не хотелось об этом говорить.

Они шли быстрым шагом. У Кортоне замерзли щеки, хотя в зимнем обмундировании было жарко. Остальные двое начали обсуждать свежий скандал: некоего Моузли — имя ни о чем не говорило Кортоне — уговорили въехать в город на грузовике и произнести речь у памятника святым мученикам. Как выяснилось, Моузли был фашистом. По мнению Ростова, инцидент доказывал, что социал-демократия куда ближе к фашизму, чем к коммунизму. Дикштейн же видел в этой истории обычный студенческий выпендрей.

---

¹ Речь идет о Британском мандате в Палестине (1922–1948), целью которого было провозглашено исполнение Декларации Бальфура и создание в Палестине национального дома для еврейского народа.

Кортоне молча наблюдал за спорящими. Странная это была пара: высоченный Ростов, шагающий широко, словно на ходулях; слишком короткие штанины полоскались на ветру, как флаги, полосатый шарф напоминал повязку; и миниатюрный Дикштейн с огромными глазами в круглых очках, похожий на семяющего скелета. Кортоне интеллектом не блистал, но пустой треп различал с ходу на любом языке. Ни один из них не верил в то, что говорил: Ростов заученно повторял расхожую догму, а за показным равнодушием Дикштейна скрывались совсем другие, более глубокие чувства. Смеясь над Моузли, Дикштейн походил на ребенка, который смеется над своим ночным кошмаром. Спор велся аргументированно, но без огонька, словно дуэль на тупых мечах.

Наконец Дикштейн осознал, что Кортоне не участвует в разговоре. Сменив тему, он стал рассказывать о хозяине дома, куда они направлялись:

— Стивен Эшфорд — личность примечательная. Большую часть жизни провел на Ближнем Востоке; говорят, нажил там небольшой капитал и тут же потерял его. Он пускался в разные авантюры, например, пересекал Аравийскую пустыню на верблюдах.

— Это, пожалуй, самый разумный способ передвижения по пустыне, — заметил Кортоне.

— У него жена-ливанка, — добавил Ростов.

Кортоне взглянул на Дикштейна.

— Та самая...

— Совсем молодая, — поспешно перебил Дикштейн. — Эшфорд привез ее в Англию перед началом войны и устроился здесь преподавателем семитских языков. Если он начнет угощать тебя марсалай вместо хереса, значит, ты злоупотребил гостеприимством.

— Их тут различают? — удивился Кортоне.

— Вот мы и пришли.

Кортоне ожидал увидеть чуть ли не мавританскую виллу, но дом Эшфорда оказался имитацией стиля Тюдор; само здание было окрашено в белый цвет, а двери и наличники — в зеленый. Сад перед домом больше походил на джунгли. К центральному входу вела дорожка из кирпича; приятели вошли в открытую дверь и оказались в тесном квадратном холле. Откуда-то доносились отголоски смеха — вечеринка уже началась. Внезапно распахну-

лась внуренная дверь, и к ним навстречу вышла ослепительно красивая женщина.

Кортоне замер, словно загипнотизированный. Послышался голос Дикштейна: «Познакомьтесь, это мой друг, Алан Кортоне», и ему позволили пожать изящную кисть цвета шоколада, сухую и теплую.

Женщина повернулась и повела их за собой в гостиную. Дикштейн тронул Кортоне за плечо и ухмыльнулся: он догадывался, какие эмоции терзают друга. Кортоне обрел дар речи и тихонько воскликнул:

— Вот это да!

Крошечные рюмки с хересом чинно выстроились на маленьком столике, как на параде. Хозяйка подала одну из них Кортоне и улыбнулась.

— Кстати, меня зовут Эйла Эшфорд.

Он жадно рассматривал ее, пока она занималась гостями. Эйла выглядела совершенно естественно — без малейших следов макияжа на изумительном лице, с прямыми черными волосами, в простом белом платье и сандалиях, тем не менее все вместе производило потрясающий эффект наготы. Кортоне стало жарко от внезапно нахлынувших животных фантазий.

Усилием воли он заставил себя отвернуться и принялся разглядывать помещение. Судя по обстановке, хозяева жили не по средствам: на всем лежал налет элегантно небрежности. Из-под роскошного персидского ковра выглядывал облупившийся серый линолеум; на журнальном столике валялись детали радиоприемника, который кто-то пытался чинить; на стенах бросались в глаза более темные прямоугольники обоев в том месте, где раньше висели картины; некоторые рюмки были явно из другого набора.

В комнате собралось около дюжины человек. У камина араб в жемчужно-сером европейском костюме хорошего покроя разглядывал деревянную резную облицовку. Эйла Эшфорд подозвала его.

— Познакомьтесь, это Ясиф Хасан, друг нашей семьи. Он учится в Вустере.

— Я знаком с Дикштейном, — сказал Хасан, пожимая руки остальным.